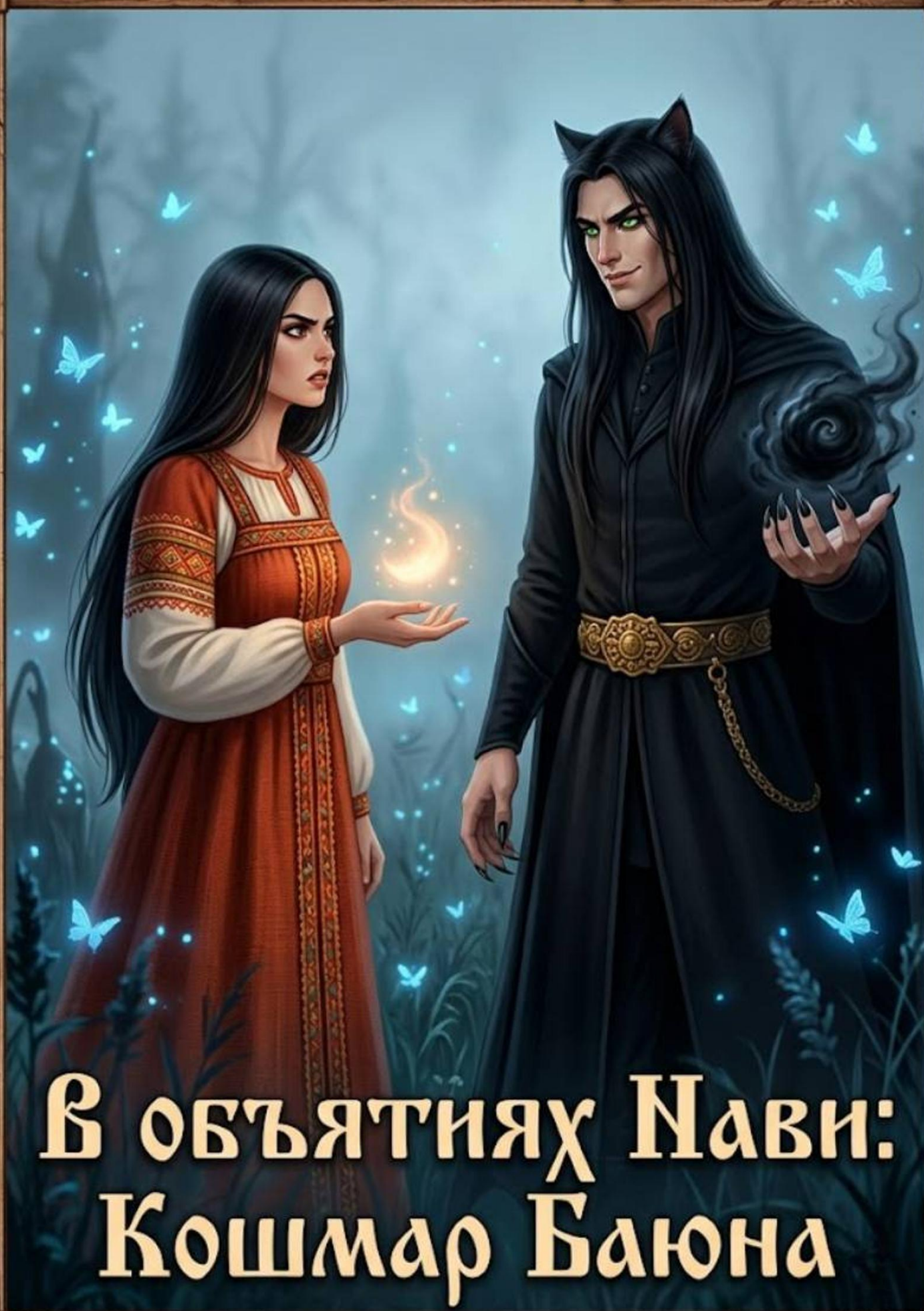

Кэти М. Ди

Кэти Ди

В объятиях Нави: Кошмар Баюна

«Автор»

2026

Ди К. М.

В объятиях Нави: Кошмар Баюна / К. М. Ди — «Автор», 2026

Пробраться ночью на чердак и заглянуть в старинное зеркало? Легко. Вывалиться сквозь него в дремучее славянское средневековье, да еще и в теле чужой девчонки? Ксюша не планировала такой отпуск. Велемир — грозный дух ночных кошмаров, способный оборачиваться черным котом. Веками он наводил ужас на смертных ради развлечения, пока не встретил Ксюшу. Ведь ее душу его магия не берет, а на все его зловещие угрозы у высокой брюнетки готов острый ответ. Случайная трагедия лишает Ксюшу тела и превращает в светлого духа сновидений. Теперь ее миссия — портить Велемиру его идеальные хоррор-сюжеты, превращая жутких монстров в розовых поросят. Между ними разгорается настоящая война во снах! Когда в Навь придет истинная беда, им придется объединиться, чтобы спасти оба мира. Даже если для этого Ксюше придется приручить самого опасного кота изнанки... И сможет ли он пожертвовать своей сутью, чтобы удержать любимую в своих объятиях?

© Ди К. М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	17
Гл	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Кэти Ди

В объятиях Нави: Кошмар Баюна

Пролог

Смертные привыкли думать, будто сны — это лишь пустые картинки, рождённые усталым разумом за день. Глупцы. Сновидения — это древняя, первородная магия, которую каждый человек носит внутри себя, бережно прикрывая веками, пока спит. И в этой магии сокрыт строгий, нерушимый закон Нави.

Страшный сон — это не всегда плохо. Истинный кошмар — это предупреждение. Это знак, кричащий о грядущей беде, или эхо сотворённого тобой зла, которое возвращается, чтобы очистить душу через страх. Заповедь изнанки сурова, но справедлива: кошмары никогда не приходят к чистым, хорошим людям. Мрак Нави лишь отражает то, что человек сам затаил в своём сердце. Так было веками.

Пока один навский преступник не решил, что правила созданы для того, чтобы их нарушать.

Велемир — высший дух кошмаров, хищник с зелёными кошачьими глазами и острыми когтями — однажды откровенно заскучал. Он посчитал, что наводить леденящий ужас на праведников и грешников без разбора, просто ради собственной забавы и озорства — куда интереснее, чем следовать древним законам. Он упивался своим могуществом, превращая чужие ночи в изысканный театр личного безумия.

Но всё в подлунном мире имеет свою цену. Навь не прощает долгов, и плата за вековую гордыню оказалась сокрушительной.

Этой платой стала любовь. Дикая, запретная, перевернувшая всю его суть любовь к дерзкой чужестранке из мира Яви, чьи шёлковые чёрные волосы пахли полуночной прохладой. Велемир, веками бывший чужим кошмаром, сам оказался в плену. А затем его собственная тёмная магия разрушила то единственное, чем он дорожил.

Теперь великий и ужасный чернокнижник заперт в своих пустых чертогах. Его гордое сердце разбито вдребезги. И каждую божью ночь он пытается залечить эту зияющую рану, бережно вкладывая свои самые светлые, полные боли и нежности воспоминания в хрупкую магическую сферу. Он ждёт. Он надеется искупить вину перед той, которая стала для него прекраснее самой ночи.

Глава 1

Кондиционер в папином внедорожнике не справлялся с августовской жарой, зато мама справлялась с созданием паники на ура. Она уже сорок минут проверяла по списку подарки для бабушкиного юбилея, попутно поправляя макияж и вздыхая так тяжело, словно они ехали не на праздник, а как минимум сдаваться в плен печенегам.

— ...И если твой брат опять привезёт этот ужасный разборный парник, я за себя не ручаюсь, — мамин голос набрал привычную драматическую высоту. Она обернулась на заднее сиденье. — Ксюша, выпрями спину! Ты будущая модель или горбун из Нотр-Дама? С твоим ростом и фигурой только сутулиться, ага. И платье, платье ты нормальное взяла? Только не говори, что опять вырядишься в этот свой безразмерный чёрный мешок, в котором тебя три раза обернуть можно!

Ксюша, лениво листавшая ленту в телефоне, даже не повела бровью. К маминой гиперопеке и вечным комментариям по поводу её модельной внешности она давно выработала железобетонный иммунитет. Она лишь поправила роскошную, гладкую чёрную прядь волос, которая упала на лицо, и лениво улыбнулась:

— Мамуль, это не мешок, это оверсайз. Самый писк уличной моды. И вообще, бабуля в прошлый раз сказала, что в чёрном я выгляжу «статисто и статно». Так что мы с ней на одной волне.

— Ой, ну конечно, нашла авторитет! — мама всплеснула руками и обречённо откинулась на пассажирское сиденье. — Твоя бабушка всегда была, мягко говоря, со странностями. Вся деревня её до сих пор за глаза ведьмой зовёт. Вот чувствует моё сердце, ругани за праздничным столом не избежать! Опять начнётся: *«Окна на ночь занавешивайте, зеркала холстной прикрывайте, Морок в избу не пускайте»*... Тьфу! Взрослая женщина, семьдесят пять лет исполняется, а всё туда же — поверья, гадания, духи ночные. Чушь какая-то.

Отец за рулём только тихонько хмыкнул, благоразумно решив не ввязываться в женскую дискуссию, и прибавил газу. Дорожный указатель сообщил, что до деревни осталось всего десять километров.

Ксюша промолчала, отвернувшись к окну, но внутри у неё сладко замерло предвкушение. В отличие от скептической мамы, Ксюша бабушкины «странности» просто обожала. С самого детства эти страшные и таинственные сказки про Навь, Прави и духов сновидений казались ей куда интереснее, чем скучные уроки обществознания. За последний год у Ксюши накопился целый вагон новых вопросов, которые она собиралась вывалить на бабушку, как только они останутся наедине. Ей безумно хотелось узнать, почему бабуля так трясётся над старыми вещами и что за скрытые смыслы таятся в древних славянских заговорах.

Если бы Ксюша только знала, что ответы на все эти вопросы она получит гораздо быстрее, чем рассчитывала.

Приехали они ближе к вечеру. Деревня встретила их оглушительным лаем собак, запахом печного дыма и суетливыми сборами. Юбилей отгремел шумно: тётки спорили о рецептах пирогов, дядя действительно привёз дурацкий парник, мама успела трижды схватиться за сердце из-за бабушкиных замечаний, а папа тихо спал на веранде.

К двум часам ночи дом наконец затих. В старом бревенчатом строении все давно спали. Ксюша, вооружившись фонариком на телефоне, кралась по скрипучим половицам. Цель была ясна — чердак. Днём бабушка строго-настрого запретила туда ходить, пробормотав что-то про «нечистое место» и «нечего там пыль глотать». А если девятнадцатилетней Ксюше что-то запретить, то это автоматически становится делом всей её жизни.

Дверь на чердак поддавалась с жалобным, протяжным стоном. Ксюша замерла, затаив дыхание, но дом не проснулся. Она юркнула внутрь и поднялась по крутой деревянной лестнице.

Здесь, под самой крышей, царило царство теней. Лунный свет пробивался сквозь маленькое круглое окошко, выхватывая из темноты силуэты старых сундуков, сломанных прялок и связок сушёной травы. Воздух был густым, сухим и пах застывшим временем.

В самом дальнем углу Ксюша заметила странный высокий предмет. Он был бережно укутан плотной, потемневшей от времени холстиной.

— Ну и что тут у нас? Кошечья игла или бабушкино ведьминское приданое? — прошептала Ксюша, пробираясь сквозь завалы старых журналов.

Она ухватила за край ткани и сдёрнула её. Под холстом оказалось огромное, в человеческий рост, зеркало в тяжёлой резной раме из тёмного, почти чёрного дерева. Узоры на раме напоминали переплетенные корни деревьев или змей. Само стекло было настолько засижено пылью, что не отражало ничего, кроме мутного серого ничто.

Ксюша чихнула, взмахнула рукавом своей толстовки и решительно протерла стекло.

Поверхность зеркала качнулась. Ксюше показалось, что по нему пошла рябь, словно по воде, в которую бросили камушек. Она моргнула, уставившись в глубину. Вместо захламлённого чердака и собственного заспанного лица она увидела там... что-то другое. Какая-то туманная чаща, очертания незнакомых избушек и странный, фосфорический свет.

— Так, Ксюша, меньше надо было слушать мамины бредни про ведьм, — пробормотала она, наклоняясь ближе к стеклу.

Любопытство заставило её подойти вплотную. Она вытянула шею, пытаясь разглядеть, не оптический ли это обман. Одеядо, которое она накинула на плечи, зацепилось за торчащий из пола гвоздь. Ксюша резко дёрнулась, потеряла равновесие и с коротким испуганным писком полетела прямо на зеркало.

В панике она выставила вперёд руки, ожидая оглушительного звона бьющегося стекла и острой боли.

Но звона не произошло. Зеркало не удержало её. Оно оказалось мягким, прохладным и податливым, как плотный туман. Ксюша с головой ухнула вперёд, словно провалилась в открытый дверной проём, и мир вокруг неё с диким свистом перевернулся.

Велемир сидел на толстом суку векового дуба, росшего на самой границе между чернеющим Навым лесом и деревней смертных. Дух кошмаров вальяжно болтал длинными ногами в воздухе, не заботясь о высоте, и лениво перебирал тонкими пальцами с острыми чёрными когтями. Между его ладонями, словно живой, перекатывался небольшой тёмный шарик, сотворённый из клубящегося ночного тумана. Внутри шарика тускло поблёскивали искры — это был свежий, лично им сотворённый кошмар.

Сумерки в изнанке стремительно сгущались, окрашивая небо в густой чернильный цвет. Деревня внизу потихоньку затихала, люди гасили лучины и ложились спать, а Вел, хищно щуря ярко-зелёные кошачьи глаза, задумчиво размышлял, кого бы осчастливить своей новой хоррор-задумкой.

«Так, старосте на прошлой неделе снились упыри... скучно, — лениво думал Велемир, и его аккуратные чёрные кошачьи уши, прятавшиеся в волосах, чуть дрогнули. — Кузнецу — утопленники в колоде. Тоже банально. О! Нашлю-ка я на знахарку сон, где её любимая корова начинает говорить басом и требует вернуть долги по налогам. Да, это будет изысканно».

Он довольно улыбнулся, подбросив туманный шарик на ладони, но запустить его не успел.

Воздух вокруг внезапно стал липким и тяжёлым. В тишине Нави раздался странный, ни на что не похожий треск — словно кто-то с силой разорвал плотный кусок шёлка. В следующую секунду иссиня-чёрное небо изнанки осенило грандиозной, неестественной грозой.

Огромная, ослепительно-белая молния с фиолетовыми искрами разрезала небосвод над деревенским краем и застыла, пульсируя, живя своей дикой, чужой жизнью.

От неожиданности и оглушительного магического импульса, который ударил по его навьим чувствам, великий и ужасный повелитель Морока совершил абсолютно непечатный кульбит.

— Твою же Макошь! — дико шикнул Вел.

Потеряв равновесие, он с треском полетел вниз. Его чёрный кафтан зацепился за сук, золотой пояс звякнул, и Велемир со всего маху грохнулся спиной в густую траву. Из его груди выбило воздух, а туманный шарик с кошмаром обиженно растаял в воздухе.

Вел перевернулся на живот, сердито шипя и ругаясь сквозь зубы на всех известных ему духов бездны. Его уши были прижаты к голове от возмущения и испуга. Приподнявшись на локтях, он уставился на небо.

Странная молния исчезла, но над приграничной избой Любавы всё ещё держалось едва заметное, фосфорическое сияние чужой, тёплой магии. В воздухе пахло озоном, грозой и... духами с ароматом ванили.

— Это ещё что за шутки Чернобога? — проворчал Вел, потирая ушибленную спину и выпуская чёрные когти. — У кого-то в деревне крыша поехала настолько, что пробила ткань миров?

Он поднялся, бесшумно отряхнул чёрные одежды и хищной, пружинящей походкой направился в сторону сияния.

Свечение над крышей деревенской избы постепенно угасло, оставив после себя лишь едва заметный запах ванили вперемешку с озоном. Велемир, обратившись бесшумным чёрным туманом, проскользил между ракетами и замер у приоткрытого окна. Опустившись на траву, он снова соткал своё человеческое тело, бесшумно поправил золотой пояс на чёрном кафтане и хищно усмехнулся.

— Ну надо же, тишина, — пробормотал он, подёргивая ухом. — Почудилось, значит. А Навь свидетельствовала: давненько я так глупо с деревьев не летал. Что ж, раз я уже здесь, то Любаве кошмар и нагоним.

Вел задумчиво выпустил чёрные когти. Любка была первой девчонкой на деревне — умной, статной, дочерью самого старосты. Местной «княжной». Несколько лет назад Велемир, к своему собственному ужасу, поймал себя на мысли, что безумно хочет заглядывать в её сны чаще обычного. Сам навский кошмар — и положил глаз на деревенскую девку! Но Навь быстро расставила всё по местам. Любава оказалась точно такой же, как все смертные, а в чём-то даже хуже. Высокомерной, наглой и пустой.

Вел до сих пор помнил, как ей было шестнадцать лет. Юный, рукастый, но ужасно нелепый и прыщавый Володька попытался сорвать для Любавы самый красивый полевой цветок и робко признался в чувствах. На что дочка старосты лишь громко, обидно рассмеялась на всю улицу, заявив: *«Ты рожей-то не вышел, Володька! С твоими прыщами тебе только к Глашке-доярке в хлев идти. Мне нужен красивый, статный, высокий муж, чтоб дети были всем на зависть. А с тобой — один смех да сплетни!»*

Ох и разозлился тогда Велемир. С тех пор он зарёкся не смотреть на Любаву с нежностью и решил проучить наглую девицу. Каждую ночь он изошрённо мстил ей, насылая один и тот же издевательский кошмар — толпы нелепых, прыщавых и косых женихов, от которых она в панике бежала по навьим болотам. Стоит ли говорить, что за три года Любава так и не нашла себе реального мужа, превратившись в бледную, задёрганную тень?

Вел тихо, злорадно рассмеялся. Между его ладоней снова соткался плотный туманный шарик. Внутри него уже клубился свежий Морок: сегодня прыщавый Володька в Любкином сне должен был явиться к ней в образе трёхголового змея, каждая голова которого требовала от неё поцелуя.

— Приятных сновидений, княжна, — шепнул Велемир.

Взмахом руки он запустил магический шарик прямо в приоткрытое окно избы. Тёмная сфера беззвучно влетела в комнату и мягко опустилась на грудь спящей возле подоконника девушки.

Вел победно скрестил руки, ожидая услышать привычный сонный стон, метания по соломе и слёзы. Но внутри избы воцарилась оглушительная, безмятежная тишина. Чёрная магия кошмара, едва соприкоснувшись с чужой душой и с глухим, невидимым для смертных щелчком отрикошетила.

Девушка лишь сладко почмокала губами во сне, перевернулась на другой бок и поудобнее устроилась на соломенном тюфяке.

Глава 2

Ксюша проснулась от оглушительного, утробного грохота. Где-то за стеной что-то с дребезжанием катилось, шуршало и глухо билось о деревянные перекрытия.

— Пап, ну хорош а... — сонно пробормотала она, натягивая невидимое одеяло на голову. — Время семь утра. Опять решил в сарае порядок навести или ключи от машины потерял? Имейте совесть, дайте будущей модели поспать...

Она лениво приоткрыла правый глаз и осеклась. Прямо над ней, вместо привычного белёного потолка бабушкиной гостевой комнаты, нависали массивные, потемневшие от времени деревянные балки. Кое-где между ними торчали пучки сушёной травы. Воздух был сухим, густым и пах печной гарью.

Ксюша резко приподнялась на локтях, чувствуя, как сердце испуганно пропустило удар. Под ней глухо зашуршала грубая солома.

— Так, Ксюха, без паники, — прошептала она, оглядывая комнату. — Значит, я всё-таки уснула на чердаке. Или так удачно грохнулась со стремянки, что отключилась и теперь вижу очень реалистичный сон про деревню девятнадцатого века.

Комната была крошечной и непривычно пустой. Бревенчатые стены, грубо сколоченный стол у окна, глиняный кувшин. Сама Ксюша была одета в длинную, до самых пят, белоснежную сорочку из плотного льна. На удивление, рубаха сидела на её высокой, стройной фигуре идеально, подчёркивая модельный силуэт, а роскошные чёрные волосы растрепались и волнами спускались до самой поясицы.

Вдруг за тонкой деревянной дверью оглушительно загремела посуда, и звонкий женский голос запричитал на весь дом:

— Любавушка! Доченька, просыпайся, горе ты моё! Кушать пора, оладушки остынут. Очнулась ли после ночи-то жуткой? Свят-свят...

Ксюша подскочила на соломенном тюфяке так, словно её ударило током. Её карие глаза округлились от шока.

— Какая ещё Любавушка?! — выдохнула она, хватаясь за голову.

Она несколько раз зажмурилась, изо всех сил зажмурила глаза, досчитала до трёх и резко открыла. Деревянные балки никуда не исчезли. Женщина за дверью продолжала греметь ухватом.

— Дурь какая-то... Этого просто не может быть! — Ксюша бросилась к распахнутому окну, надеясь увидеть папин внедорожник или хотя бы забор соседней дачи.

Но за окном расстился абсолютно чужой, сероватый мир. Прямо под подоконником, в невысокой густой траве, лениво прохаживался огромный, лоснящийся чёрный кот с обманчиво мягкими лапками. Заметив Ксюшу, животное на секунду замерло, хищно прищурило ярко-зелёные глаза, а его аккуратные ушки на макушке подозрительно дёрнулись. Кот издал утробное, почти издевательское «мяу» и неспешно скрылся в кустах ракиты.

— Отлично, ещё и местная фауна надо мной издевается, — Ксюша шумно выдохнула и обернулась.

На лавке возле постели лежал сложенный сарафан. Девушка схватила его, расправила и тут же скривила безупречный нос в гримасе глубочайшего отвращения. Сарафан был плотным, грубым и имел дикий, тёмно-рыжий, почти оранжевый оттенок цвета взбесившейся лисицы.

Ксюша этот цвет ненавидела всей душой. Оранжевый всегда привлекал слишком много ненужного внимания, кричал о себе за версту, а она, несмотря на свою яркую внешность, в повседневной жизни предпочитала элегантный чёрный оверсайз.

— Ну и треш, — проворчала она, неохотно натягивая терракотовое убожество поверх белой сорочки. — Я в этом мешке похожа на бабу на чайнике. Если это затянувшийся прикол от мамы на бабушкин юбилей, то он зашёл слишком далеко.

Резко дёрнув засов, Ксюша распахнула дверь в коридор, готовая устроить разнос любому, кто посмел украсть её любимые джинсы.

Шаг — и она оказалась в просторной, залитой утренним светом горнице. Изба была большой, крепкой, добротной. Посреди комнаты тянулся огромный дубовый стол, за которым восседали двое.

Слева сидела женщина в накрахмаленном головном платке и чистом переднике, а справа — солидный, хмурый мужчина в очках. Одежда на обоих была приличной, даже дорогой по местным меркам, что выдавало их высокий статус.

— Садись, дочка, Любашенька, — защebetала женщина, указывая на свободную лавку. — Вон, оладушки только из печи, пышут!

Ксюша промолчала. Медленно, сохраняя свою царственную модельную осанку, она подошла к столу и царственно опустилась на скамью. Мужчина за столом грозно зыркнул на неё из-под очков и демонстративно отложил в сторону плотный свиток пергамента. Он скрестил руки на груди и принялся молча, буравящим взглядом наблюдать за каждым её движением.

Ксюша терпеть не могла, когда на неё так смотрели. Пряди чёрных волос скользнули по рывим плечам, и она, вскинув идеальные брови, хлёстко выдала:

— Что?

Матушка всплеснула руками и испуганно запричитала:

— Ой, дочка... Ты это чего сегодня такая? А руки помыть с утра пораньше? А как же отцу-то сначала чашку чая подать, уважение оказать? Забыла, что ль, законы?

Ксюша нахмурилась, но спорить не стала — лишнее внимание ей сейчас было ни к чему. Она поднялась, сканируя взглядом незнакомое пространство. Заметив в углу деревянную лохань с подвешенным глиняным умывальником, она подошла, брезгливо сполоснула кончики пальцев и обернулась:

— Хорошо, помыла. А где чай?

Родители Любавы застыли и вылупились на неё так, словно у Ксюши прямо сейчас на голове выросли рога.

— Так вот же он, в кринке на печи греется, — осторожно, словно общаясь с умалишённой, проговорила мать.

— Ах, да... Точно, — Ксюша неловко подыграла, лихорадочно соображая, как налить этот местный напиток без привычного чайника. — А вода где?

Отец Любавы тяжело вздохнул и недовольно поджал губы. Мать обречённо покачала головой, жалостливо глядя на «дочь»:

— Ох, беда моя... Опять всю ночь кошмары мучили, Любашенька? Совсем тебя Морок наввих снов извёл, памяти лишать начал.

Ксюша быстро сообразила, что это идеальная отмазка, и упрямо кивнула. А что ей ещё оставалось говорить? Если она сейчас начнёт расспрашивать про смартфоны, джинсы и кондиционеры, её тут же примут за блаженную и запрут в каком-нибудь местном аналоге дурки.

«Ну, бабуля... — Ксюша зло стиснула зубы, наливая тёмную пахучую жидкость в глиняную чашку. — Ну, вернусь я домой, погоди у меня! Ох и устрою я тебе разнос за твои ведьминские штучки, ведьмовские гадания и сломанные зеркала! Удружила внучке, нечего сказать».

Матушка с отцом в конце концов тяжело вздохнули. Смирившись с Любашиной утренней «неудачностью» и списав всё на происки ночного Морока, отец вернулся к своему пергаменту. Мать же сочувственно покачала головой и попросила дочку о простом одолжении — сходить к колодцу за водой.

На эту невинную просьбу Ксюша снова уставилась на женщину круглыми, абсолютно непонимающими карими глазами. В её мире вода текла из крана, а в крайнем случае её привозил курьер.

Мать вздохнула, мягко взяла Ксюшу за локоть и вывела на деревянное крыльцо. Там она вручила девушке два тяжёлых пустых ведра и странную, длинную выгнутую деревянную палку с крюками. Названия этого доисторического девайса Ксюша, разумеется, не знала.

— На, Любашенька, бери коромысло, — напутствовала мать, пристраивая палку Ксюше на плечи. — На нём ведро-то сподручнее нести. Иди к колодцу, что на краю деревни, у самой рощицы. Да аккуратнее, не расплескай.

Ксюша проследила за её рукой и буквально вытаращила глаза от ужаса. Колодец чернел где-то на самом горизонте, у раскидистых деревьев, и расстояние до него от дома старосты казалось бесконечным. Для городской девчонки с модельной фигурой, чей максимум физических нагрузок ограничивался беговой дорожкой, это выглядело как изошрённая пытка.

Она тяжело сглотнула, попыталась сделать шаг, но деревянная палка съехала. Ксюша покачнулась, и одно из ведер с оглушительным грохотом полетело с крыльца прямо в грязь.

— Да что ж за день-то такой! — проворчала Ксюша, поднимая жестянку. — Тут вообще есть служба доставки или хотя бы круглосуточный супермаркет?

Она предприняла вторую попытку, но, не рассчитав баланс, снова уронила уже второе ведро. За спиной раздались громкие, полные искренней скорби причитания матушки:

— Ох, батюшки... За что же нам горе такое? Совсем девке память отшибло, ведро удержать не может! Навьи духи, пощадите дитятко...

Качая головой, женщина поспешно скрылась в глубине избы, захлопнув дверь, чтобы не видеть этого позора.

Ксюша осталась стоять на крыльце в своём ненавистном тёмно-рыжем сарафане, с коромыслом наперевес и диким желанием высказать бабушке всё, что она думает о её антикварных зеркалах. Кое-как зацепив упрямые ведра за крюки и пошатываясь от непривычной конструкции, она медленно поплелась по грунтовой дороге, поминутно спотыкаясь и кляня местный фитнес на чём свет стоит.

А на ветке старой ракиты неподалёку, укрывшись густой листвой, сидел Велемир. Его длинные чёрные волосы шевелил ветер, а аккуратные чёрные кошачьи уши так и ходили ходунотом от с трудом сдерживаемого смеха. Его когти так весело впивались в кору, что он чуть снова не свалился. Высший дух кошмаров с диким восторгом наблюдал, как первая красавица деревни ведёт ожесточённую, но пока проигрышную войну с обычным коромыслом.

Глава 3

Ксюша наконец-то дотащи́лась до края деревни, чувствуя, как мышцы спины умоляют о пощаде. Возле бревенчатого сруба колодца стоял парень, и Ксюша замерла. В этот момент в её сознании словно щёлкнул чужой тумблер — ей на секунду подкинуло чужие, Любавины мысли. Чужая память настойчиво шептала, что этот Володька — прыщавый урод, неудачник и вообще не её уровня.

Вот только Ксюша смотрела на парня своими собственными глазами. И увиденное ей... очень даже понравилось.

За прошедшие три года Володька знатно раздобрел и превратился в настоящего, косая сажень в плечах, богатыря. Да, его лицо не было идеальным — от подростковых прыщей остались небольшие ямки, шрамы и неровности, но в целом он выглядел невероятно симпатично. Из-под светлого картуза выбивались пшеничные волосы, а глаза были чистыми, по-детски голубыми.

Володька как раз заканчивал качать воду. Заметив Ксюшу, он поджал губы — то ли от застарелой обиды, то ли от волнения. Он явно ждал очередной порции яда.

Ксюша приветливо улыбнулась и сделала шаг вперёд:

— Эй, поможешь, а?

От непривычной нагрузки её руки дрогнули, упрямое коромысло перевесило, и много-страдальные вёдра с грохотом полетели вниз. Одно из них с размаху приземлилось прямо Володьке на ногу.

— Ой! Матушка-Макошь! — вскрикнул парень, хватаясь за ушибленный палец.

Ксюша в ужасе прикрыла рот ладонками, мгновенно подскочила к нему и бесцеремонно схватила его за огромную, мозолистую руку:

— Ой, божечки, прости пожалуйста! Честное слово, я не хотела! Сама с этой деревяшкой совладать не могу!

Володька замер, тупо уставившись на неё сверху вниз. Он рассматривал девушку и судорожно пытался понять — мерещится ему или нет? Лицо вроде бы Любкино: те же смоляные волосы, те же черты. Только вот на этом лице вместо привычной брезгливой злости и высокомерия читался искренний, смущённый испуг. И она... извиняется?

— Ты... заболела, что ль, Любаша? — осторожно спросил богатырь.

Сидящий на ветке ракиты Велемир в этот момент едва не поперхнулся воздухом и едва не выдал себя сухим смешком.

— Кошмары замучили, совсем спасу нет, — быстро соврала Ксюша, сделав жалобное лицо.

Володька сочувственно кивнул:

— Да уж, Велемир-то наш совсем лютует... Ладно, давай сюда свои вёдра.

Пока он уверенно качал воду, Ксюша с огромным любопытством наблюдала за процессом. Она даже бесстрашно перегнулась через край сруба, пытаясь разглядеть, далеко ли там, в темноте, блестит вода. Володька от такой прыти побелел и с явным страхом в голосе придержал её за локоть:

— Не гневи судьбу, Любашенька! Упадёшь же, бездна тебя поглотит!

Ксюша лишь мило улыбнулась в ответ. За следующие десять минут они успели обсудить местную погоду, посмеяться над непослушными вёдрами и обменяться парочкой шуток. Володька, окончательно растаявший от такого обращения, сам вызвался донести тяжёлую воду до дома старосты. Любашка в его глазах изменилась до неузнаваемости, став ангелом во плоти.

А вот Велемир на дереве больше не смеялся. Он сидел, напряжённо выпрямив спину, и его зелёные глаза сузились до тонких щёлочек. Он внимательно, дюйм за дюймом, разглядывал девушку.

Что-то было не так. Очень сильно не так.

Во-первых, Любава никогда не оставляла волосы распущенными — всегда заплетала в тугую косу, а у этой незнакомки смоляные пряди струились до поясницы и казались длиннее. Во-вторых, когда она улыбалась, у неё почему-то не появлялись привычные Любкины ямочки на щеках. В-третьих, её глаза... Они были не серыми. Они были тёмными, глубокими, как сама навья ночь. Да и голос звучал гораздо мягче и мелодичнее.

Вел склонил голову сначала в одну сторону, потом в другую. Хищно принюхался, улавливая тонкий шлейф, который доносился от колодца.

— Ваниль... — тихо прошептал он, дёрнув чёрным ухом.

Он понятия не имел, что это за растение, но его древняя магия подсознательно знала этот тёплый, сладкий аромат. И этот запах никак не вязался с Любавой. От настоящей Любки всегда пахло исключительно жареными блинами и прелым сеном, потому что она целыми днями валялась на отцовском сеновале, не желая ничего делать.

Велемир проводил удаляющуюся парочку долгим, задумчивым взглядом и хищно сощурился. В его голове с новой силой вспыхнула идея проучить эту девчонку и вернуть её в реальность хорошим, сочным кошмаром. Но то, что она не прогнала Володьку, поразило его до глубины души. Володька ведь не был первым красавцем, деревенские девки общались с ним неохотно, а эта «Любава» с ним смеётся, кокетничает и принимает помощь.

— Ладно, птичка, — проворчал Вел, выпуская чёрные когти. — Посмотрим, как ты запоёшь сегодня ночью.

Велемир бесшумно соскользнул с ветки ракиты и прямо в воздухе обратился огромным чёрным котом. По размерам он, конечно, был крупноват для обычного домашнего мышелова — размером с хорошего мейн-куна, — но недалёкие деревенские жители списывали всё на сытую жизнь при амбарах. Они даже не догадывались, кто перед ними, и звали его каждый на свой лад. Кузнец кликал Дымком, знахарка со страху шептала «Чертёнок», а трусливый староста и вовсе панибратски орал: «Брысь, Васька!».

Вела это одновременно и злило, и жутко смешило. Великий дух Нави — и какой-то Васька! Естественно, в руки он никому и никогда не давался, улетая чёрной молнией от любой попытки его погладить.

Но сейчас ему было не до гордости. Вел бесшумной тенью пристроился позади шагающей парочки и, выждав момент, когда они остановились у дома старосты, вальяжно замер прямо у ног Ксюши. Ему нужно было подойти ближе. Принюхаться. Понять наконец, что это — реальные изменения Любавы или у него самого, высшего духа, начались ментальные глюки?

Володька аккуратно опустил тяжёлые вёдра на деревянное крыльцо, смущённо почесал затылок широкой ладонью и робко улыбнулся:

— Ну... ладно. Пойду я, Любаш. Дел ещё много у кузни.

Он уже развернулся, чтобы уйти, но вдруг замер, набрался смелости и обернулся, от волнения сминая в кулаке край своей холщовой рубахи:

— А ты... пойдёшь сегодня вечером со мной на песни? К реке все наши собираются.

Ксюша удивлённо вздёрнула безупречные брови. О, она прекрасно знала, что такое деревенские «песни»! Бабушка в Яви часто рассказывала ей, что в старину это было чем-то вроде современного ночного клуба, только на дикой природе. Молодёжь собиралась у костра, парни

играли на баянах и гусях, девчонки сплетничали, пекли хлеб на углях и водили хороводы. Самая романтика!

— Пойду! — весело, без раздумий, ответила Ксюша.

И, поддавшись порыву благодарности за спасённую спину, она сделала шаг вперёд, приподнялась на носочки и звонко чмокнула ошарашенного богатыря в шершавую щеку:

— Спасибо за помощь, Володь!

Володька от такого счастья мгновенно залился пунцовой краской до самых ушей, глупо улыбнулся и, едва не споткнувшись о собственную ногу, резво припустил вниз по тропинке.

Прямо под ногами Ксюши раздалось громкое, дико недовольное и ревнивое «Мяу!». Велемир сам не понял, почему его так передернуло от этого невинного поцелуя смертных, но его кошачий хвост раздражённо мотнулся из стороны в сторону.

Ксюша проводила Володю тёплым взглядом, помахала ему рукой и тяжело выдохнула, наконец-то заметив сердитого пушистого гиганта у своих ног. Кот сидел с максимально хмурой и осуждающей мордой, уставившись на неё своими неестественно яркими глазами.

— А ты чего тут расселся, чудо ушастое? — Ксюша ласково улыбнулась, наклоняясь к нему. — Есть, что ли, хочешь? Внутренний навигатор подсказывает, что оладушки в доме ещё остались.

Кот оскорблённо открыл пасть, собираясь выдать ей самое грозное шипение из своего арсенала, но даже мяукнуть не успел. Ксюша, ни капли не боясь его внушительных размеров, с криканием подхватила огромного котяру под мышки и с размаху прижала к своей груди, утыкаясь носом в его густую, мягкую чёрную шерсть.

Вел от такой наглости буквально оцепенел. Его лапы с чёрными когтями беспомощно повисли в воздухе. Ни одна живая душа в двух мирах не смела тискать повелителя кошмаров как плюшевую игрушку! А Ксюша тем временем чуть отстранила его от себя, заглядывая прямо в его кошачье лицо, и восхищённо выдохнула:

— Ого... Ну и глаза у тебя красивые. И шёрстка — как шёлк ночной. Слушай, а давай ты у меня будешь... **Агат**? Или нет, лучше **Малахит**! Такой же тёмный, загадочный, а глаза — чистый зелёный камень. Или... **Черномор**? Точно! Будешь моим личным ночным Мороком. Мрачный, чернющий, а в глазах — колдовская зелень. Назову-ка я тебя... **Чернояр**! Коротко — Яр. Звучит дорого и со вкусом, под стать твоей шубке.

Велемир, которого в Нави знали под великим именем Велемир, ошарашенно захлопал зелёными глазами. Его чёрные кошачьи уши удивленно встали торчком. Девчонка из Яви, сама того не ведая, умудрилась дать ему имя, идеально созвучное с его навьей, сумеречной природой. И, признаться честно, её мягкие руки, бережно державшие его у груди, пахли так умопомрачительно вкусно этой странной ванилью, что великий дух кошмаров... забыл, как нужно злиться.

Ксюша с трудом донесла упитанную чёрную тушку до деревянной лавки у забора. Она уютно устроилась на прогретых солнцем досках. Кота она усадила к себе на колени. К её удивлению, пушистый гигант не стал вырываться. Он лишь замер, напряжённый как струна. Ксюша ласково улыбнулась. Она принялась плавно поглаживать его шёлковую спину, аккуратно обходя чуткие чёрные ушки.

*«Ну надо же, какой мягкий, — ласково думала она, перебирая пальцами густой мех. — Назову тебя **Чернояр**. Будешь моим Яриком».*

Вел на её коленях затаил дыхание. Навья магия внутри него растерянно затихла от этих нежных, пахнущих ванилью рук.

Идиллию нарушил грохот. Дверь избы распахнулась. На крыльцо размашистым шагом вышел отец Любавы. Мужчина не смотрел под ноги. Он со всего маху споткнулся об оставленные у ступени полные вёдра. Вода с шумом выплеснулась на землю. Староста едва удержал равновесие и громко, грязно выругался на всю улицу.

От неожиданного шума кот мгновенно соскочил с Ксюшиных колен. В прыжке он случайно, но глубоко полоснул её острыми чёрными когтями по ладони.

— Ай! — Ксюша шикнула от резкой боли, прижимая к себе поцарапанную руку.

Вел, мысленно усмехаясь своей маленькой мести, чёрной молнией метнулся под защиту ближайших кустов. Оттуда он замер, наблюдая за развитием событий.

Староста тем временем яростно топал сапогами, отряхивая мокрые полы кафтана. Он уставился на Ксюшу налившимися кровью глазами:

— Ты что ж творишь, непутёвая?! Убрать ведра с прохода ума не хватило?! Совсем дурой из-за своих мороков стала! В девках засиделась, три года женихов найти не можешь, только дурью маешься! Никакого толку от тебя в доме, одна мягкость да лень!

Мужчина сыпал обидными, хлесткими словами, распаляя сам себя. Ксюша так и раскрыла рот от изумления и подступающей обиды. Её, городскую ухоженную девушку, никто никогда так не оскорблял! Да она вообще сделать ничего ещё не успела!

Внутри неё вспыхнул горячий городской характер. Ксюша вскочила с лавки, гордо выпрямив свой рост, и в ярости закричала прямо в лицо старосте:

— Да как вы смеете?! Это вообще-то мужская работа — тяжести таскать! Я девушка, а не грузчик на вокзале! Вам стыдно должно быть, бугаю такому, свою дочь заставлять вёдрами ворочать! Нормальные мужчины женщин берегут, а не орут на них с утра пораньше!

Староста от такой неслыханной дерзости онемел. В этой деревне ни одна дочь не смела повысить голос на отца, а уж тем более называть его «бугаем» и стыдить. Лицо мужчины пошло багровыми пятнами. Не помня себя от злости, он размахнулся и наотмашь стукнул её по щеке.

Хлесткий звон пощёчины разорвал тишину.

Удар был сильным. Ксюша отшатнулась, хватаясь за вспыхнувшую огнём щеку. Староста сам в шоке замер на месте, тяжело дыша и глядя на свою ладонь. Он явно не ожидал от себя такой вспышки насилия.

За кустами на границе рощи выпрямился в полный рост Велемир. Его человеческий облик снова соткался из тени. Зелёные глаза хищно сузились, а уши плотно прижались к голове. В груди духа кошмаров шевельнулось что-то странное, тёмное и злое. Он собирался мучить Любаву сам, но видеть, как её бьёт этот приземлённый смертный, ему почему-то стало невыносимо.

Из глаз Ксюши брызнули горькие, злые слёзы. Она бросила на старосту взгляд, полный такой чистой ненависти, что мужчина невольно отступил на шаг.

— Ненавижу вас... — глухо прошептала она.

Повернувшись, Ксюша бросилась прочь со двора по грунтовой тропе, не разбирая дороги из-за застилавших глаза слёз. На повороте у кузницы снова показался Володька. Заметив плачущую девушку, богатырь испуганно окрикнул её:

— Любаша! Что случилось?! Кто тебя обидел?!

Но Ксюша даже не повернула головы. Она пролетела мимо него диким вихрем, стремясь только к одному — спрятаться от всех. Тропинка стремительно сужалась, цивилизация исчезала, и девушка, сама того не замечая, на полной скорости углублялась в молчаливый, пугающий лес Нави.

Глава 4

Сухие ветки с треском ломались под ногами, нещадно царапая щиколотки, но Ксюша не останавливалась. Она бежала вглубь леса, не разбирая дороги, пока лёгкие не начало обжигать от нехватки воздуха. Тёмно-рыжий сарафан, который её так бесил, теперь казался неподъёмным, липким коконом. Наконец, силы окончательно покинули её. Споткнувшись о торчащий из земли узловатый корень, Ксюша с размаху полетела на сырую моховую кочку.

Удар выбил из неё остатки духа. Сидя на коленях посреди зловеще притихшей чащи, она закрыла лицо руками и горько, навзрыд расплакалась. От обиды, от жгучей боли на щеке и от абсолютного бессилия перед этим сумасшедшим миром.

Вдруг воздух вокруг стал ледяным. Ксюша вздрогнула и отняла ладони от лица. Из-за поваленных деревьев, бесшумно стелясь по земле, к ней начали стягиваться жуткие густые тени.

Велемир следовал за ней с самого двора старосты. Он и сам ещё не определился, зачем идёт: то ли проследить из чистого навьего любопытства, то ли посмотреть, как далеко уйдёт эта странная девчонка. Он был абсолютно уверен, что его никто не заметит. Местные смертные были слепы к магии и туману Морока, если только дух сам не желал им открыться.

Но Ксюша была другой. Она прекрасно видела этот неестественный, хищно закручивающийся тёмный туман.

Девушка испуганно округлила глаза, мгновенно подскочила на ноги и с диким криком ринулась прочь от подступающей тьмы.

Поняв, что девчонка его видит, Велемир опешил. Сердце духа пропустило удар. Хватит прятаться! Вел сбросил морок и мгновенно вернул свой истинный, человеческий образ. Чёрный кафтан, развевающиеся смоляные волосы и горящие зелёные глаза — теперь он преследовал её уже на своих двоих, совершая огромные, пружинящие прыжки по бурелому.

Заметив сзади высокого, невероятно бледного парня с кошачьими ушами и когтями, Ксюша испугалась ещё пуще. В её голове билась одна мысль: *«Монстр! Настоящий навский монстр!»*

— Стой! — громом разнёсся по лесу отчаянный голос Вела.

Он почти догнал её. Расстояние между ними сократилось до полуметра. Велемир выбросил руку вперёд, его чёрные когти скользнули по грубой ткани и ухватили край её тёмно-рыжего сарафана. Дух резко потянул девушку на себя, пытаясь остановить.

Но было слишком поздно. Земля под ногами Ксюши внезапно обвалилась.

Ткань сарафана с треском вырвалась из пальцев Вела. Ксюша с коротким, оборвавшимся писком полетела вниз, переворачиваясь в воздухе. Раздался страшный, глухой хруст ломающихся костей. Тело Любавы, неестественно изогнувшись, замерло на самом дне тёмного оврага.

Велемир застыл на краю обрыва. Его грудь тяжело, прерывисто вздымалась. Вытаращив глаза от дикого, парализующего шока, он смотрел вниз.

В ту же секунду над ямой соткалось нечто невероятное. Ксюша вдруг почувствовала абсолютную, невесомую лёгкость. Боль исчезла. Приподнявшись, она с удивлением увидела, что её дух буквально вылетел из чужой плоти. Обернувшись, Ксюша со стороны посмотрела на лежащее внизу тело Любавы, которое больше не двигалось.

Вел, не смея пошевелиться, провожал застывшим взглядом светлые огоньки, начавшие медленно подниматься из ямы. И к его глубочайшему изумлению, огонька было два. Один — тусклый, серый, принадлежащий настоящей Любаве, поплыл в сторону чертогов упокоения. А второй — ослепительно яркий, тёплый, искрящийся золотым светом Правы, закружился

в воздухе прямо перед лицом чернокнижника. Это была чистая, непокорная душа Ксюши, которая отказалась умирать по правилам Нави.

Осознание содеянного ледяной волной накрыло Велемира. Любава мертва. А эта чужестранка... она превратилась в то, что его магия не способна разрушить. Задыхаясь от ужаса, вины и шока, повелитель кошмаров резко взмахнул руками и в ту же секунду с глухим хлопком испарился в воздухе, обратившись в испуганный чёрный туман.

Прошло три бесконечных, тягучих дня. Три дня деревню старосты лихорадило от пугающей, звенящей тишины. Ксюшин дух, соткавшийся из золотого огонька Правы, невидимой дымкой парил над домами, с удивлением наблюдая за тем, как её отсутствие перевернуло жизнь смертных.

На исходе третьих суток лес Нави наконец отдал свою страшную дань.

Нашёл её Володька. Парень трое суток не спал, прочёсывая буреломы, пока не наткнулся на роковую, заваленную сухими ветками яму. Сердце богатыря ухнуло куда-то в бездну, когда на самом дне он разглядел знакомый тёмно-рыжий сарафан. Ему и ещё двоим крепким деревенским парням пришлось спускаться вниз, чтобы на руках вытащить хрупкое, изувеченное тело. Володька бережно нёс покойную Любаву до самой избы старосты, а его широкие плечи мелко дрожали от подступающих слёз.

Возле дома уже собралась вся деревня. Когда тело опустили на лавку у крыльца, матушка Любавы закричала так, что у Ксюши, наблюдавшей за этим с ветки ракиты, сжалось невидимое сердце. Женщина упала на грудь дочери, рыдая громче всех и яростно колотя кулаками по плечам собственного мужа:

— Погубил! Ты её погубил, окаанный! Изверг! Дитя своё единственное со свету сжил! Зачем руку поднял, зачем накричал?!

Староста стоял рядом, бледный как полотно. Очки съехали набок, руки тряслись, а в глазах застыл такой дикий, первобытный ужас, что Ксюша едва узнала в нём тирана. Он и сам до безумия винил себя во всём, что натворил. Девчонка ведь от горя убежала, от обиды бросилась в чашу, не разбирая дороги... А ведь они её любили. Любили больше всего на свете, души в ней не чаяли, просто вечный страх и недосып ожесточили их сердца.

Вокруг шептались испуганные деревенские жители, испуганно крестясь:

— Это всё Морок... Морок навых снов её утянул! Совсем измаяли деревню эти кошмары, девки молодые гибнуть начали. Проклятое место, проклятый Велемир!

Володька стоял поодаль, прислонившись лбом к бревенчатой стене избы. Он не мог вымолвить ни слова, лишь судорожно глотал горький, застрявший в горле ком. В его душе бушевал настоящий ад. Ему ведь показалось, что у них только-только всё начало зарождаться. Любаша впервые улыбнулась ему так тепло, впервые извинилась, поцеловала в щеку...

«Надо было бежать за ней, — крутилось в его голове, пока по щекам катились крупные слёзы. — Надо было остановить, догнать, приголубить и защитить от отца... Дурак. Какой же я дурак!»

Он сжал кулаки так, что побелели костяшки. Ксюша-Дрёма мягко опустилась с ветки прямо к нему и невесомо, неощутимо прикоснулась призрачной ладонью к его плечу.

— Ты не виноват, Володя, — тихо прошептала она, зная, что он её не слышит. — Виноват один очень вредный, трусливый кот. И уж поверь, я заставлю его ответить за каждую твою слезинку.

Она обернулась в сторону чернеющего леса Нави, чувствуя, как внутри её новообретённой светлой души закипает праведный, обжигающий гнев. Время плакать прошло. Пора было открывать сезон охоты на Властелина лотка.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.